

"Сов. артист" 20 мая 1966.

ГАСТРОЛИ БАЛЕТА В США

Из рецензий американских газет

Газета «Нью-Йорк пост» свою статью в номере от 27 апреля возглавила «Балет Большого театра осовременивает «Весну священную» Стравинского». Газета пишет, что «подлинной новостью» программы, показанной накануне вечером, была премьера «Весны священной»... «Массовые сцены производят сильное впечатление... Все это не лишено интереса, и Юрий Владимиров показал себя выдающимся танцовщиком в партии Пастуха. Он полон энергии и во время своих прыжков буквально напоминает пружину. Касаткина также очаровательна в роли безумной жрицы... Девушку танцует чрезвычайно гибкая Нина Сорокина. Эта постановка, вероятно, не понравится любителям традиционного балета, но по отношению ко многим другим она является хорошим контрастом...».

Рецензируя эту же программу, газета «Нью-Йорк таймс» отмечала «дирижирование Геннадия Рождественского, который сумел выжать максимум из довольно скромных оркестровых ресурсов, находившихся в его распоряжении».

Говоря об исполнении «Шопенианы», газета особо выделяет Е. Максимова, называет ее «прекрасной балериной» и пишет, что она «была похожа на изображенную молодой Карсавиной, танцевала, как выдешне, и в то же время с точностью и чутким пониманием того, что пружина для Фокина».

Майя Самохвалова была хороша в мазурке, ее партнер Владимир Тихонов выступал, в общем, неплохо; его прыжки были хорошими, но его исполнение было слишком приземленным, прозаическим для роли, которая требует мужественной поэзии...

...То, что было обещано, как третий акт «Раймонды», оказалось дивертисментом и венгерским трагпа из последнего акта балета... Это была буквально фантазия; о которой каждый может только мечтать. Артисты оправдали наши надежды. Танец имел все черты, наиболее характерные для Большого театра: роскошную экстравагантность, специфическую классическую бравадность, смелые акценты в наиболее

сильных местах и солидную элегантность.

Майя Плисецкая исполнила венгерские танцы с таким умом, живостью и вдохновенным, в таком отточенном и превосходящем стиле, так утонченно, что нельзя было не улыбаться, глядя на ее сверкающую и чарующую технику...

Николай Фадеев танцевал в быстрой и привлекательной манере, как и подобает звезде. Обе эти звезды были окружены ореолом сверкающих спутников, включая Нагалию Таборко, которая в очень уверенном темпе исполнила соло, Владимира Васильева и Михаила Лавровского, которые свободно чувствовали себя в ансамбле...

Газета «Нью-Йорк таймс» поместила подробный разбор балета «Щелкунчик».

Критик К. Барнс пишет, что «в Нью-Йорке была, вероятно, самая лучшая в мире постановка — Дж. Баланчина. Она была самой лучшей до постановки Григоровича в Большом театре 12 марта этого года...».

Григорович не только полностью исключил из своего балета роль феи Драже, но исключил также и детей. Они появляются только в первом акте, но так как их роль исполняют взрослые, балетмейстер может дать им гораздо большую хореографическую свободу, что он и делает.

Ю. Григорович и талантливый художник С. Вирсаладзе внесли и другое изменение: они вывели царство сладостей из последнего акта. В старых постановках маленькая девочка попадает в царство сладостей, где обедает конфетами и печеньем. Теперь более взрослая героиня Григоровича вместе с рождественскими куклами и красивым Щелкунчиком попадает в фантастическую страну, в царство рождественской елки.

В результате получается вполне завершенная, очаровательная сказка, мечта ребенка о рождестве, со всей романтикой, чистотой и красотой, что, по-видимому, всегда было

свойственно этому балету Чайковского и что трактовалось абсолютно неправильно. Спектакль Григоровича сломал старые традиции. Как В. Бурмейстер наменил представление всего мира о «Лебедином озере», а Л. Лавровский о «Жизели», так и «Щелкунчик» Ю. Григоровича представляет собой ловкий образ, полное переосмысление, с которыми не смогут не считаться будущие режиссеры и балетмейстеры.

Тем не менее в одном отношении это достижение Григоровича даже более примечательно, а может быть, и более всего существенно именно для будущего Большого театра. В то время как Бурмейстер и Лавровский работали с уже существовавшим хореографическим материалом, Григорович в «Щелкунчике» отбросил всю традиционную хореографию и поставил балет так, как будто Чайковский только вчера передал ему партитуру. Интереснее всего, что он одел этот балет спектаклем массовых танцев и ввел в него многое из современной неоклассической хореографии, именно современной.

И балетмейстер и художник, которым помогали все исполнители, а также дирижер Г. Рождественский, создали в балете удивительную атмосферу фантазии, создающую ощущение волшебства и чуда, которое сильнее всего в самом конце спектакля, когда Маша просыпается и оказывается в знакомой обстановке своего дома.

Екатерина Максимова в роли Маша была воплощением «хрупкости снежинки, наивности и непосредственности; она справилась даже с трудными движениями в па-де-де... с веселым аллопмом».

Владимир Васильев в роли Принца излучал благородство и чистоту — качества, которые справедливо приписывают его темпераментному танцу.

Остальные исполнители, особенно комические куклы, которые очень живо танцуют в последнем акте, создают в веселом танце точные характеристики персонажей. Но по-

следнее слово следует сказать о В. Левашеве, неуловимом, по добром хозяйке кукол, создающем гофмановский образ».

Газета «Нью-Йорк таймс» в рецензии на «Дон-Кихот» пишет, что «если когда-либо двое были рождены для танца, то это Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Максимова... танцует с улыбкой, снисходительно, шаловливо и вместе с тем остроумно. Она с блеском исполняет танец и затем как будто бы предлагает присутствующим помянуться над своим собственным остроумием. Она восхитительна».

Васильев тоже прекрасный танцор, сильный и стремительный, с веселой энергичной манерой танца и очень большой естественностью. Вместе их танец имеет особый блеск...

В. Васильев танцует как человек, охваченный желанием сделать как можно больше — еще один поворот, еще на один сантиметр выше взлет, и... когда он достигает своей цели и застенчиво улыбается публике, вы не можете не радоваться его успеху.

Остальной состав балета был почти тем же, что и на премьере, хотя элегантно Александр Лавренко заменил Николая Симачева в роли Тореадора. Оба создали впечатляющий образ, но ни один из них не смог конкурировать с притягательной силой Ярослава Сеха, который танцевал, когда балет был в Лондоне.

К счастью, чем больше смотришь «Дон Кихот», тем больше восторгаешься исполнением маленьких ролей. Владимир Левашев остро охарактеризовал веселого отца Китри, а Эрик Володин — фатоватого, глупого, но богатого Гамаша.

А как прекрасно исполняются характерные танцы! Гибкая Лариса Дмитриева с ее волнообразными и подвигными руками исполнила прекрасный испанский танец, а Елена Холмина казалась медленно разгорающимся пламенем в поставленном Голейзовским цыганском танце...».